

В Зале Тайцзи утренний свет пробивался сквозь резные решётчатые окна, пятнами ложась на кирпичный пол. Вьющиеся струйки благовоний не могли успокоить царившую в тронном зале суету, напротив, их разгоняли всё сильнее разгорающиеся споры.

В центре сегодняшних дебатов оказался затянувшийся на полгода проект бюджета на расчистку речных наносов в столице.

Министр общественных работ дрожащим от старости голосом опустился на колени у императорской дороги, высоко поднимая мемориал двумя руками, а на его лице читалась глубокая скорбь.

Докладываю вашему императорскому величеству и вашему высочеству регенту: каналы Южного города забиты илом, и если хлынут проливные ливни, возникнет угроза затопления всей столичной округи. Министерство общественных работ после неоднократных подсчётов пришло к выводу, что для дноуглубления русел и укрепления дамб потребуется выделить не менее пятисот тысяч лянов серебра. Если бюджет снова завернут, этому ничтожному слуге останется лишь подать в отставку, признав свою вину.

Его слова ещё не затихли, как министр финансов из лагеря роялистов холодно усмехнулся и вышел вперёд, чтобы возразить.

Стоит Министерству общественных работ открыть рот, как сразу требуется пятьсот тысяч лянов, в то время как государственная казна в настоящее время испытывает страшную нехватку средств. По мнению этого ничтожного слуги, следует последовать примеру прежних династий и собрать с гражданских богатеев и простого народа чрезвычайный налог, чтобы простолюдины разделили с императорским двором тревоги и заботы. Только так правитель и подданные смогут действовать единодушно.

Как только эти слова прозвучали, лагерь «чистых» чиновников вмиг взорвался. Глава цензората потемнел лицом и, указав на министра финансов, сурово и гневно отчитал его:

— Абсурд! Двор не думает о том, как оказать помощь, а вместо этого собирает с народа непомерные подати и грабит его, вступая с простыми людьми в борьбу за выгоду! Так ведь можно легко потерять сердца людей по всей Поднебесной! Вопрос с расчисткой ила должен решаться самим Министерством общественных работ за счёт сокращения собственных расходов, с какой стати вымогательски сдирать с простого народа последнюю каплю жира?

В центре тронного зала партия роялистов и лагерь «чистых» чиновников осыпали друг друга цитатами из классических канонов, рассуждая обо всём подряд — от Чжоуских ритуалов до законов прошлых династий. Каждый из них высоко поднимал знамя морали, превращая простую смету строительных расходов в вопрос сыновней почтительности правителя к подданным и великих принципов управления государством. Шум стоял на всю округу, но до реального продвижения дело так и не дошло, и весь императорский двор словно застрял в бесконечном круговороте пустых слов.

Среди чиновников из лагеря «чистых» Помощник министра финансов Хэ Чанвэй всё это время не присоединялся к перебранке.

Он лишь молча опустил голову и изучал лежавшие перед ним донесения, чуть нахмутив брови.

Он вовсе не был слеп к скудости казны и не оставался равнодушным к страданиям простого народа. Если бы удалось избежать дополнительных сборов с людей, это, безусловно, оказалось бы самым правильным решением; если же Министерство общественных работ действительно допускало расточительство, он был готов докопаться до истины до самого конца.

Однако, по мнению Хэ Чанвэя, у обсуждения государственных дел при дворе всё же существовали свои правила.

Мастера разбирались в строительстве, купцы понимали толк в торговле, но разве можно решать вопросы управления государством, опираясь исключительно на мнения людей с рынка?

Судьба государства держалась не только на подсчете серебряных монет, требовалось неизменно беречь и устои императорского двора.

В конечном счете, именно по этой причине он всегда сохранял настороженность по отношению к регенту.

Методы Чжань Сюйтаня были слишком радикальными, а его поступки слишком пренебрегали старыми устоями.

Стоило только позволить власти возвыситься над ритуалом и законами, как сегодня можно было созвать купцов во двор для обсуждения государственных дел, а завтра — совершить нечто ещё более шокирующее и неслыханное?

Одетый в величественное чёрно-красное одеяние с вышитыми питонами, Чжань Сюйтань восседал на возвышении. Кончики его пальцев неторопливо и рассеянно скользили по слегка колючим коротким усам, а сам он холодным взглядом окинул сверху происходящую внизу суматоху, напоминавшую базарную площадь.

Будучи опытным современным депутатом парламента, он привык к подобным зрелищам.

Парочка перепалок — и Чжань Сюйтань мгновенно ухватил суть этого фарса.

Три ведомства препирались полдня, но никто так и не ответил по существу на самый элементарный вопрос: куда именно пойдут эти пятьсот тысяч лянов?

Не было ни строительных чертежей, ни описи материалов, ни конкретных данных по илистым

отложениям, зато все вокруг уже вовсю рассуждали о высоких материях вроде долга перед правителем и сердец простого народа.

В груди Чжань Сюйтаня мелькнула холодная усмешка.

— Это не обсуждение государственных дел при дворе, это какая-то древняя пресс-конференция без единого подтверждающего документа.

Попадись подобный сляпанный на коленке проект на рассмотрение в современный комитет, его бы в первую же секунду отправили в шредер. А предложение о повышении налогов вообще лишено элементарных расчётов и принимается наобум, по одному лишь легкомысленному щелчку пальцев. Эта свора чиновников, получающая жалование от государства, не способна оперировать цифрами и умеет лишь прикрываться моралью да вести междоусобную грызню. Настоящие политические младенцы, которые отказываются взрослеть.

Переведя взгляд, Чжань Сюйтань устремил пронзительные глаза на Помощника министра финансов, стоявшего в первых рядах гражданских чиновников из лагеря «чистых».

Хэ Чанвэй был облачен в безупречное бирюзовое ханьфу, а его длинные волосы были идеально подобраны и закреплены белой нефритовой заколкой. Его спина держалась прямо, а утончённое и чистое лицо напоминало стойкий бамбук среди зимнего снега, резко выделяясь на фоне покрасневших от крика пожилых сановников.

В этот момент Хэ Чанвэй крепко сжал губы, а спрятанные в рукавах руки чуть подрагивали в кулаках.

Ощувив на себе острый взгляд сверху, Хэ Чанвэй вскинул голову, и его прозрачные глаза наполнились бдительностью и настороженностью. На его лице застыло холодное выражение, а в самом взоре читалось немое предупреждение: сидящему наверху регенту даже не стоит надеяться под прикрытием новой политики снова пустить в ход свои жестокие методы или воспользоваться моментом для захвата власти.

Через длинные ступени императорской дороги их взгляды столкнулись в ожесточенном поединке.

Вчерашние переговоры в тайной комнате резиденции регента стояли перед глазами так чётко, будто происходили только что. Наблюдая за напряженным видом Хэ Чанвэя, Чжань Сюйтань не только не разгневался, но и почувствовал, как в уголках его глаз зарождается исполненная скрытого смысла улыбка. Пусть этот маленький консерватор превыше всего ставил принципы, раз уж прошлой ночью он лично согласился на условия межпартийных переговоров, у сегодняшнего грандиозного представления теперь было достаточно почвы для продолжения.

Беспорядки продолжались почти столько времени, сколько требуется на воскурение одной палочки благовоний. Министерство общественных работ и Министерство финансов не

уступали друг другу ни на шаг, а мемориалы с импичментами от цензоров едва не завалили императорскую дорогу.

— Довольно.

Два слова. Голос звучал негромко, но в нём сквозила абсолютная властность человека, привыкшего долгое время находиться на вершине. Прокатившись по просторному Залу Тайцзи, этот голос отчётливо долетел до слуха каждого.

В зале мгновенно воцарилась тишина. Лица чиновников, еще мгновение назад яростно споривших, мгновенно побледнели, они один за другим захлопнули рты и испуганно опустили головы. Дурная слава безумного регента, который раньше при малейшем недовольстве устраивал кровавую резню, по-прежнему оставалась для всех висящим над головой мечом Дамокла.

Чжань Сюйтань медленно поднялся на ноги, и его высокая фигура отбросила на пол тяжелую тень.

Министерство общественных работ требует бюджет, Министерство финансов кричит, что денег нет, а цензоры целыми днями разглагольствуют о высших материях. Проект расчистки русла обсуждают с самой весны, и кроме того, что в Зале Тайцзи зря расплескали несколько сотен плевков, кто-нибудь из вас выкопал хоть хоу мусора?

Чжань Сюйтань сошел со ступеней и остановился под ошеломленными взглядами всех присутствующих чиновников.

Раз уж здесь невозможно договориться, то как только пробьет час шэнь, все в полном составе перебираются в резиденцию регента. Я проведу общественные слушания по бюджету столичных гидротехнических сооружений.

Общественные слушания.

Это новое слово эхом пронеслось под сводами зала, и сановники переглянулись между собой со всеобщем недоумением на лицах.

Не успел никто опомниться, как Чжань Сюйтань повернулся и отдал приказ сидевшему с кистью наготове евнуху:

— Передай мой личный указ: на эти общественные слушания, помимо чиновников из Министерства общественных работ и Министерства финансов, отправить тайных стражей в Южный город столицы. Пусть они пригласят трёх опытных мастеров речного дела, двух крупных торговцев, прекрасно знающих столичные цены, и четырех представителей простого народа из низменных районов Южного города. Все они в назначенный час займут свои места в

резиденции, чтобы вместе обсудить новую политику.

Как только эти слова сорвались с его губ, лагерь консервативных цензоров закипел, словно капля воды, попавшая в раскаленное масло.

Глава цензората, не обращая внимания на попытки его остановить, спотыкаясь, вышел вперед и с глубокой скорбью в голосе громко завопил:

— Ван! Храм предков — это священное место для обсуждения государственных дел, а управление страной и обеспечение мира — обязанность исключительно образованных мужей. Торговцы и лавочники — презренный люд, а разносчики и грузчики и вовсе невежественны. Позволять подобным ничтожным людям вмешиваться в государственный бюджет и нарушать устройство страны — это же позор для приличий, на что это похоже! Если открыть подобный прецедент, где тогда останутся законы и устои Великого Ся?

Позор для приличий?

Чжань Сюйтань обернулся и холодно усмехнулся. Его взгляд, острый как у ястреба, впился в говорившего цензора.

Сколько кирпичей и камней требуется Министерству общественных работ, купцы знают лучше всех; как правильно копать каналы, мастера понимают лучше других; в каких местах дороги затопляет сильнее всего — жители Южного города, живущие там день и ночь, ощущают острее всего. Бюджет составляет императорский двор, платят за всё простые люди, а работают мастера. Не слушать тех, кто действительно трудится и платит деньги, а запираяться в храме и предаваться умозрительным фантазиям — это называется бюрократией, это называется служебным подлогом!

Череда резких вопросов, приправленная излюбленным инструментом современных политиков — моральным шантажом, обрушилась на них тяжелым молотом.

Глава цензората то и дело твердит о защите устоев государства, но если через несколько дней разразится ливень, столицу затопит, а народ останется без крова над головой, собираетесь ли вы своей высокой образованностью и книгами мудрецов загораживать воду от погибающих людей?

Глава цензората побледнел от этой отповеди, его тело слегка задрожало, но, сколько он ни тыкал пальцем в Чжань Сюйтаня, вымолвить в ответ хоть слово он так и не смог.

Придворные чиновники растерянно хлопали глазами. Подобный нокаутирующий удар, выбивающийся за рамки традиционной политической системы, заставил этих десятилетиями варившихся в котле древних ритуалов бюрократов всерьёз усомниться в реальности происходящего.

Чжань Сюйтань отряхнул с питоньего ханьфу несуществующую пыль и с гордым видом взмахнул рукавом.

— В час шэнь резиденция ждет всех вас. Аудиенция окончена.

Оставив ошеломленных чиновников позади, Чжань Сюйтань зашагал прочь.

Хэ Чанвэй стоял в толпе и провожал взглядом эту наглую, но излучающую огромную уверенность чёрно-красную спину. В его груди бушевали волны: с одной стороны, он был потрясен безумным поступком Чжань Сюитаня, столь дерзко растоптавшего традиции, а с другой — смутно ощущал какое-то странное потрясение.

Этим беспрецедентным общественным слушаниям по-древнекитайски было суждено прорвать огромную брешь в косной системе.

Стоило пробить часу шэнь, как тяжелые багряные ворота во дворе резиденции регента медленно отворились.

Прибывшие на встречу чиновники Министерства общественных работ и Министерства финансов, переступив порог переднего двора, разом замерли на месте. Привычно строгий и внушающий трепет двор резиденции, где раньше выстраивались ряды алебард и длинных пик, теперь оказался полностью переустроен. Прямо посреди двора отказались от традиционной рассадки с жестким разделением на высших и низших: вместо этого несколько десятков резных деревянных кресел расставили в форме огромного полукруга на современный манер. Подобная расстановка, полностью стиравшая границы старшинства и рангов, оставляла привыкших к строгим порядкам сановников в полном недоумении относительно того, где им надлежит сесть.

Больше всего чиновников возмутило то, что по правую сторону полукруга, о боже, сидели несколько смущенных простолюдинов-мастеров в грубых одеждах, а также зажиточные столичные торговцы в шелках, которые беспрестанно утирали рукавами пот со лба. Более того, даже староста квартала из Южного города, для которого в обычные дни вход даже в уездную управу был заказан, сейчас дрожал от страха на самом последнем месте.

— Абсурд, просто невероятный абсурд, сидеть за одним столом с разносчиками и грузчиками,
— тихо проворчал помощник министра общественных работ, скривившись от брезгливости.

Хэ Чанвэй в аккуратном бирюзовом ханьфу, с волосами, идеально подобранными под белой нефритовой заколкой, переступил порог двора. Его взгляд скользнул по причудливой рассадке полукругом, и в прозрачных глазах мелькнула задумчивость. Приподняв подол одежды и не обращая внимания на шушуканье коллег поблизости, он со спокойным выражением лица занял первое место по правую руку, предназначенное для Министерства финансов.

Хэ Чанвэй сжимал в руках доклад, долгое время не переворачивая страниц.

Он-то думал, что новая политика регента — не более чем ребячество, прикрытое грубой силой.

Но те цифры, что предстали перед его глазами, не позволяли ему с легким сердцем просто отмахнуться от них заклинанием «не соответствует ритуалу».

Потому что перед простым народом никогда не стоял вопрос о том, соответствует ли форма древним правилам; для людей всегда было важно лишь одно — смогут ли починить речные дамбы и не разворовываются ли государственные деньги.

Это осознание впервые заставило в его душе подняться волнам беспокойства.

Едва усевшись, Хэ Чанвэй заметил на столонике из древесины хуали странный предмет, сшитый тонкой конопляной нитью. Бумага слегка желтела, а на обложке размашистым почерком красовались пять иероглифов: Отчет об оценке бюджета.

Одолеваемый легким сомнением, Хэ Чанвэй перевернул первую страницу своими тонкими пальцами — и в тот же миг его словно поразило молнией, а в груди взметнулся девятикратный шторм.

В этом отчете не было ни следа излюбленных чиновниками Великого Ся параллельных конструкций из четырех и шести иероглифов, ни славословий в адрес правителя. Взору предстали бесчисленные ровные клеточки. Страницы были четко разбиты на разделы: «Статьи расходов на работы», «Цены на материалы и оплату труда», «Предполагаемые сроки» и «Ожидаемый результат». В центре таблиц аккуратным кайшу густо пестрели данные: точная протяженность очистки каждого участка русла в столице, необходимое количество подневольных рабочих и даже количество фунтов дров и риса, ежедневно сжигаемых в каждом котле, — всё было помечено кистью с киноварью.

Министерство финансов Великого Ся ведало всеми деньгами и зерном Поднебесной, и Хэ Чанвэй считал себя одаренным в обращении с цифрами. Однако сейчас, глядя на этот кристально ясный отчет, где сложная бухгалтерия была полностью разложена по полочкам, кончики его пальцев, державших рисовую бумагу, едва заметно задрожали.

Хэ Чанвэй изначально полагал, что разрекламированная регентом новая политика — лишь повод под личиной реформ разрушить заветные устои ради удовлетворения собственных амбиций.

Но глядя на столь детальный отчет, он впервые заколебался и уже не мог с легкостью заклеить происходящее словом «абсурд».

Цифры не льстили, а в бухгалтерских книгах отсутствовала партийная принадлежность.

Если бы двор действительно смог проверять государственную казну по такому методу,

пожалуй... это оказалось бы куда эффективнее порядков, наследовавшихся веками.

Подобный метод ведения счетов, когда любые туманные расходы выставлялись на самый яркий солнечный свет, наносил сокрушительный удар по финансовой системе Великого Ся, существовавшей уже сотню лет.

В этот момент тяжелые шаги прервали мысли Хэ Чанвэя, выбив его из состояния оцепенения.

Чжань Сюйтань вошел в просторное помещение в свободном черно-красном домашнем ханьфу. На нем не было облачения с девятью питонами, символизирующего абсолютную власть; аккуратно подстриженная короткая борода и легкая тень щетины на подароде придавали ему черты зрелого, расчетливого и проницательного политика. Вместо того чтобы направиться к главному креслу, он совершенно естественным движением отодвинул спинку стула ровно посередине полукруга и, откинув подол одежды, уселся.

— Господа, не стоит так напрягаться, — Чжань Сюйтань обвел взглядом всех присутствующих, на полсекунды задержав глубокий взгляд на ошеломленном лице Хэ Чанвэя, и уголки его губ изогнулись в лукавой улыбке. — Сегодня мы собрались на общественные слушания не для того, чтобы рассуждать о придворном этикете и ритуалах, а чтобы решить лишь одну задачу: как сделать так, чтобы каждый вложенный в столичную гидротехнику медный грош пошел исключительно на пользу делу.

В зале воцарилась мертвая тишина: чиновники никак не могли раскусить ходы этого безумного вана, а крупные торговцы и мастера затаили дыхание от страха.

— Начнем с Министерства общественных работ, пожалуй, — Чжань Сюйтань с удобством закинул ногу на ногу, легко постукивая пальцами по столешнице. — Бюджет в пятьсот тысяч лянов. Откройте третью страницу отчета, раздел, касающийся строительства новой дамбы в Южной гавани. Министерство рассчитало потребность в восьмидесяти тысячах дан каменных блоков и двадцати тысячах лянов серебра. Господин Чжао, доложите без обиняков, на чем основаны эти расчеты? Откуда взялись эти двадцать тысяч лянов?

Министр общественных работ поднялся на ноги, дрожа всем телом. Заготовленные им цветистые фразы о том, что реки определяют судьбу государства, а дноуглубление не терпит отлагательств, застряли в горле от одного лишь требования Чжань Сюитаня оперировать цифрами. Утерев холодный пот со лба, он заискивающе забормотал:

— Э-это... расчеты производились по обычным меркам прошлых лет для починки дамб в Великом Ся, ведь при доставке каждого дана камней с каменоломни в Южную гавань необходимо закладывать расходы на человеческий труд и износ повозок...

— Ван, у этого простолюдина есть что сказать!

Справа от полукруга старый мастер, проработавший на прокладке речных дамб и уплотнении

грунта почти всю жизнь, с глухим стуком опустился на колени. Несмотря на то, что его ноги дрожали, глядя на ту самую понятную с первого взгляда бумагу, он наконец стиснул зубы и подал голос.

Чжань Сюйтань не разгневался, лишь приподнял руку, сменив тон на предельно благожелательный:

— Старик, встань и говори, принесите ему стул. Раз уж вы переступили порог резиденции, право голоса есть у каждого. Буквы и цифры в отчете тебе понятны?

Старый мастер польщенно поднялся на ноги. Его потрескавшиеся пальцы указали на цифры в отчете, и хотя голос его дрожал, звучал он предельно твердо:

— Докладываю вашему высочеству: этот ничтожный не обучен грамоте, но цифры в этих клеточках мне знакомы — я столько лет проверял их на стройках, тут всё понятно. Написано, что за один дан «циинских камней» просят два ляна серебра — да это же чистой воды грабеж! Мы с мужиками десятки лет пахали на каменоломнях в столичных пригородах, и этот циинский камень стоит от силы восемь цяней за дан! К тому же в Южной гавани бурное течение, и выкладывать ядро дамбы сплошным камнем — значит лишь облегчить реке задачу по ее размыву. По нашему простому народному методу нужно укреплять плотину утрамбованной глиной, смешанной с гашеной известью, тогда себестоимость материалов обойдется дешевле трех цяней за дан!

— Ах ты дерзкий подлец! Как смеешь ты молоть чушь перед регентом и клеветать на государственных чиновников первого ранга! — лицо одного из чиновников Министерства общественных работ, отвечавшего за закупку материалов, мгновенно побледнело, и он ударил по столу.

— Сядь, — Чжань Сюйтань приподнял веки и лениво бросил взгляд на этого чиновника. В его глазах блеснул ледяной металл, заставив чиновника моментально оледенеть от страха и с покорным видом рухнуть обратно на стул.

Чжань Сюйтань повернулся к старому мастеру, поглаживая короткие усы, а в его взгляде читалось полное одобрение:

— Старик, если следовать твоему методу укрепления глиной, сколько серебра удастся сберечь? И чем это лучше циинского камня?

Старый мастер утер слезу и громко произнес:

— Новая глиняная дамба гораздо устойчивее к размыву водой, чем сплошная каменная, она прослужит без капитального ремонта по меньшей мере лет пятнадцать! А затраты на материалы... уменьшатся по меньшей мере на семьдесят процентов!

Отвечавший за закупки чиновник резко вскочил, лицо его страшно побелело — он явно не ожидал, что какой-то безродный мастер посмеет прилюдно вскрыть изъяны в казенных подрядах.

Однако Чжань Сюйтань лишь приподнял веки.

— Сядь.

Два простых слова заставили чиновника замереть на месте.

— Я спросил лишь о том, будет ли работа сделана хорошо и разумны ли расходы. Вместо того чтобы ответить по существу цены материалов, ты принялся обвинять человека, который указал на проблему.

И это вы называете придворными порядками?

Экономия семидесяти процентов на материалах!

По рядам участников общественных слушаний прокатилась волна сдержанного изумления.

Инстинкт государственного мужа пробудился в Хэ Чанвэе в ту же секунду. Резко вскочив со своего места, он с грохотом опустил тонкие пальцы на деревянный стол из хуали, и его чистый голос пронесся по двору, неся в себе непреклонную и суровую праведность.

— Ван! Если всё обстоит так, как говорит этот почтенный мастер, то только на одной новой дамбе в Южной гавани расходы на материалы можно сократить с двадцати тысяч лянов до каких-то шести! — в неколебимо спокойных доселе глазах Хэ Чанвэя вспыхнул острый, пронзительный блеск, когда он в упор посмотрел на скамью Министерства общественных работ. — Министерство финансов каждый год выделяет средства Министерству общественных работ по старой памяти. Если бы сегодня простой мастер не выложил всю правду, неужели в этой разнице в четырнадцать тысяч лянов кроется всего лишь ошибка, или же кто-то намеренно завышал сметы и присваивал казну?!

Он сделал короткую паузу, не став огульно обвинять всех чиновников министерства, а вместо этого развернулся и поклонился Чжань Сюйтаню.

— Ван, если эту смету пересчитать заново, Министерство финансов готово оказать содействие в проверке.

Голос Хэ Чанвэя звучал холодно, без малейшей нотки лести.

Этот ничтожный не смеет голословно обвинять Министерство общественных работ в

преступлении, но каждая монетка в казне добыта народом, и раз в расчетах есть сомнения, истину следует выяснить до конца.

Министр общественных работ от страха сполз со стула прямо на колени:

— Умоляю вана о прозорливости! Этот чиновник Хэ бросает в нас грязь, у Министерства общественных работ и в мыслях не было присваивать казённое!

Глядя на слегка покрасневшее от волнения красивое лицо Хэ Чанвэя, Чжань Сюйтань почувствовал, как у него в груди приятно ёкнуло. Этот маленький консерватор в обычное время сыплет ритуалами да принципами, но стоило ему унюхать дыру в бюджете, как он тут же продемонстрировал жесткую хватку. Эта партия идеального слаженного дуэта в зале суда — «использование простых свидетелей для разоблачения политических оппонентов» — была разыграна ими настолько безупречно и гладко, будто они репетировали ее заранее.

Чжань Сюйтань жестом велел Хэ Чанвэю занять свое место. Глядя на его раскрасневшееся от гнева личико, он уловил в глубине глаз искорку глубокого смысла.

Этот маленький консерватор на словах всё еще цепляется за старые ритуалы, а на деле уже помог разорвать брешь в уязвимостях древних порядков.

Именно ради этого я и затеял общественные слушания.

Улыбка исчезла с лица Чжань Сюйтаня, и он повернулся к сидевшим справа встревоженным столичным купцам.

Бюджет Министерства общественных работ мы урезали, но казна по-прежнему пуста. Сегодня утром на утреннем докладе один из цензоров предложил ввести в народе чрезвычайный налог, и я знаю, что вы все затаили обиду, — Чжань Сюйтань подался вперед, демонстрируя хитрую улыбку опытного дельца, умело играющего на чужих интересах. — Сегодня никаких налогов не будет. Но если мы поступим иначе: казна ничего не тратит, зато купечество столицы объединяется и создает Торговую палату Южной гавани. После завершения дноуглубления право управления всеми грузовыми причалами по обе стороны гавани, а также арендой тридцати окрестных государственных амбаров будет передано вам на условиях бесплатной эксклюзивной пятилетней концессии — пропорционально вашему сегодняшнему вкладу. Спустя пять лет права вернутся к государству. Что скажете?

Стоило Чжань Сюитаню умолкнуть, как во дворе воцарилась тишина.

Несколько богатых купцов переглянулись; в их глазах читались одновременно жадное искушение и страх.

Один из старших купцов наконец не выдержал, сложил руки в почтительном жесте и произнес:

— Ван, этот ничтожный осмелится спросить: стремление к выгоде у торговцев в крови. Если передать причалы и амбары в руки торговой палаты, не случится ли так, что со временем купцы усилятся настолько, что станут диктовать условия двору?

Услышав это, Чжань Сюйтань рассмеялся.

Диктовать условия?

Он легонько постучал пальцем по столу, окинув всех взглядом.

Я даю вам право на ведение дел, а не всю Поднебесную.

У государства есть законы, у народа — нужды, а купцы занимаются движением товаров. Каждый знает свое место и выполняет свой долг, только тогда Поднебесная сможет жить в мире и порядке.

Тон Чжань Сюитаня оставался спокойным, но в нем чувствовалась неоспоримая острота.

Если дела пойдут плохо, спустя пять лет двор сможет в любой момент вернуть права себе; если же у государства появятся лучшие методы, ему незачем бояться кого бы то ни было.

Он сделал небольшую паузу, переводя взгляд на чиновников и купцов.

Бояться на самом деле нужно не того, что кто-то доводит дело до конца.

Бояться следует того, когда все цепляются за старый хлам, равнодушно глядя на страдающих людей, и при этом искренне верят, будто защищают высшую справедливость в этом мире.

Купцы, пришедшие в логово хищника и ожидавшие, что с них живьем сдерут шкуру, теперь ошеломленно хлопали глазами.

Причалы и амбары Южной гавани! Это же экономическое сердце столицы, через которое ежедневно проходят тонны товаров с севера и юга, это же кладезь золота! Государство обычно держит их мертвой хваткой, а теперь готово отдать права на управление?

— Ваше высочество, вы всерьез?! — не выдержав всеобщего изумления, поднялся главный зерновой магнат столицы и, дрожа от восторга, выпалил: — Если мой торговый дом получит пятилетнюю концессию на восточный причал Южной гавани, я готов сию же секунду внести тридцать тысяч лянов серебра, и ни монетой меньше!

— И этот ничтожный готов отдать двадцать тысяч!

— А гильдия шелкоторговцев вносит три, нет, тридцать тысяч!

Сложная проблема с налогообложением, которая утром казалась неразрешимой и грозила столкновением чиновников с народом, была с легкостью решена Чжань Сюйтанем всего за полчаса благодаря точным подсчетам и современному подходу к взаимовыгодному обмену интересами.

Общий бюджет проекта урезали с пятидесяти тысяч лянов до пятнадцати. Из этих пятнадцати тысяч десять тысяч составляли добровольные взносы купечества. Казна же в итоге раскошенилась всего лишь на жалкие пять тысяч лянов серебра, чтобы полностью закрыть проблему столичных наводнений, мучившую всех долгие годы.

Глядя на это чудо взаимного соответствия интересов, Хэ Чанвэй застыл в оцепенении.

Его пальцы крепко сжались, мнущие глубокие складки на толстой пачке отчетов, к которой он так долго не притрагивался.

Рядом с ним тихонько приблизился чиновник из партии «чистых» и со сложным выражением лица прошептал:

— Господин Хэ, неужели вы и впрямь одобряете эти дикие купеческие фокусы регента?

Хэ Чанвэй опустил взгляд, храня молчание.

Если бы подобный вопрос задали ему вчера до стычки в Зале Тайцзи, он бы без раздумий изрыгнул шквал возражений.

Но сейчас его глаза скользили по выверенным строчкам аккуратных таблиц.

На этих листах не было спекулятивной рыночной возни.

Здесь четко вырисовывался путь: люди в Южном городе избавлены от грабительских поборов, наводнения в столичной округе наконец-то получают реальное решение, а государственная казна не понесет бессмысленных трат.

Спустя долгое время Хэ Чанвэй глубоко вздохнул, медленно вскинув голову. В его холодных глазах читалось непоколебимое просветление:

— Этот слуга признает лишь одну истину.

Управление государством никогда не строилось на пустых криках о высшей морали и красивых

словах.

Смотря в упор на лениво раскинувшегося в центре полукруга мужчину, который держал под контролем всю ситуацию, Хэ Чанвэй ощутил, как его разум поражен невиданным доселе потрясением.

Ученые мужи верили в самоограничение и наставления мудрецов, а столичные чиновники искуснейшим образом оперировали цитатами и моральным прессингом. Но сегодня Чжань Сюйтань звонкой пощечиной от фактов отрезвил их всех. Вытащив на переговоры презираемых «низших» мастеров и купцов и использовав обнаженный интерес как рычаг для сдвигания ресурсов с мертвой точки, он явил миру поразительную практическую эффективность.

Этот человек изъяснялся языком низменных и циничных расчетов, но делал то, что приносило реальную пользу миллионам людей по всей Поднебесной.

Хэ Чанвэй крепче сжал в руках отчет по бюджету. Несокрушимый доселе оплот его закостенелых взглядов трещине по швам, а охватившее его потрясение неудержимо росло в груди.

— Господин Хэ, о чем задумались? Все уже разошлись.

Низкий, обладающий характерным для зрелого мужчины бархатным смехом раскатился прямо над ухом.

Хэ Чанвэй резко очнулся и только тогда заметил, что Общественные слушания уже давно подошли к концу. Лучи заходящего солнца покрыли внутренний двор россыпью золотых искр. Чжань Сюйтань неизвестно когда оказался рядом с ним. Высокое тело, излучающее обжигающее тепло зрелого мужчины, приблизилось вплотную, а аккуратно подстриженные, слегка покалывающие усики на его подбородке чуть не коснулись бледной мочки уха Хэ Чанвэя.

Сердце против воли пропустило удар. Бледная шейка Хэ Чанвэя вмиг покрылась манящим румянцем, он поспешно отступил на шаг назад и, напустив на себя вид человека, сохранившего хладнокровие, сложил руки в приветственном жесте:

— Этот метод Вана... поистине потрясает воображение. Ваш покорный слуга почерпнул для себя много нового.

— Да это еще цветочки, господин Хэ.

Наблюдая за тем, как на лице молодого чиновника одновременно отражаются горделивое смущение и растерянность, Чжань Сюйтань погладил усы и усмехнулся, точь-в-точь как старый лис, чкающий коварный план:

— Я тут по привычке принялся искать во дворе стенографистов с фотоаппаратами, намереваясь велеть им снять меня с как можно более величественным видом. Но теперь я вижу: раз уж вы, господин Хэ, прониклись, значит, этот мой сокрушительный удар оказался вовсе не напрасным.

— Ван, прошу вас, ведите себя пристойнее!

Охваченный стыдом и гневом, Хэ Чанвэй закусил пухлые губы и бросил презрительное фырканье.

После чего, прижимая к груди тяжелый отчет по бюджету, с несчастным видом быстрыми шагами удалился.

Чжань Сюйтань стоял в центре опустевшего зала и провожал взглядом сбежавшую фигуру в слегка растрепанном зеленом халате, громко смеясь про себя.

Короткие колючие волоски на его подбородке легко подрагивали в такт смеху, излучая уверенность зрелого политика, держащего все нити правления в своих руках.

Эту прогнившую, застрявшую в прошлом закостенелую политическую систему Великого Ся он перекроит — и точка.

Что же касается этого господина Хэ, который то и дело разглагольствует о ритуалах и законах, но не в силах скрыть в глазах потрясение...

Чжань Сюйтань тихонько усмехнулся.

Интересный человек.

Явно меня недолюбливает, но при этом вынужден признать правоту моих слов.

Лишь такой человек достоин того, чтобы он, Ван, не спеша понаблюдал: в конце концов решит ли тот остаться верным старым устоям или же сам толкнет ту новую дверь.

<http://bllate.org/book/20997/2134887>